

Б. Паскаля (В. Pascal) (в связи с изучением некоторых свойств конических сечений) и Г. Монжа (G. Monge, 2-я пол. 18 – нач. 19 вв.). Как самостоятельная дисциплина проективная геометрия была изложена Ж. Понселе (J. Poncelet нач. 19 в.). Заслуга Ж. Понселе заключалась в выделении проективных свойств фигур в отдельный класс и установлении соответствий между метрическими и проективными свойствами этих фигур. К этому же периоду относятся работы Ж. Бриансона (J. Brianchon). Дальнейшее развитие проективная геометрия получила в трудах Я. Штейнера (J. Steiner) и М. Шаля (M. Chasles). Большую роль в развитии проективной геометрии сыграли работы К. Штаудта (Ch. Staudt), в которых были намечены также контуры аксиоматического построения проективной геометрии. Все эти геометры стремились доказывать теоремы проективной геометрии синтетическим методом, положив в основу изложения проективные свойства фигур. Аналитическое направление в проективной геометрии было намечено работами А. Мёбиуса (A. Möbius). Влияние на развитие проективной геометрии оказали работы Н.И. Лобачевского по созданию неевклидовой геометрии. Достоверно то, что уже в начале 1819 г. у Лобачевского была рукопись составленного им сочинения, которое содержало изложение основных начал геометрии. Сочинение, представленное им к напечатанию в 1823 г. носило название «Геометрия» и построение его очень существенно отличалось от обычной структуры курса элементарной геометрии Евклида, то есть перестраивало систему

геометрии, подойдя критически к традиционной системе Евклида [4].

Заключение. Неевклидова геометрия стала наиболее впечатляющим, интеллектуальным свершением 19в. Она ясно продемонстрировала, что математику нельзя более рассматривать как свод непререкаемых истин. В лучшем случае математика может гарантировать достоверность доказательства на основе недоуверенных аксиом. Но зато математики впредь обрели свободу исследовать любые идеи, которые могли показаться им привлекательными и позволившие в дальнейшем А. Кэли (A. Cayley) и Ф. Клейну (F. Klein) рассмотреть различные геометрические системы с точки зрения проективной геометрии. Развитие аналитических методов обычной проективной геометрии и построение на этой базе комплексной проективной геометрии (Э. Штуди, E. Study, Э. Катан, E. Cartan) поставили задачу о зависимости тех или иных проективных свойств от того тела, над которым построена геометрия. В решении этого вопроса больших успехов добились А.Н. Колмогоров и Л.С. Понтрягин.

Список литературы

1. Гильберт Д., Кон – Фоссен С. Наглядная геометрия, пер. с нем., 3 изд. – М., 1981.
2. Глаголев Н.А. Проективная геометрия, 2 изд., М.-Л. 1963 г.
3. Ефимов Н.В., Розендорн Э.Р. Линейная алгебра и многомерная геометрия. – М., 1970.
4. Каган В.Ф. Лобачевский. – М.: Издательство Академии наук, 1948.
5. Хартсхорн Р. Основы проективной геометрии, пер. с англ. – М., 1970.

Философские науки

ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ПОЛЕМИКЕ В.С. СОЛОВЬЁВА И Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Панищев А.Л.

*Курский институт кооперации (филиал) БУКЭП,
Курск, e-mail: aleksepanishhe@rambler.ru*

Данная статья посвящена исследованию переписки между двумя русскими представителями философии права: В.С. Соловьёвым и Б.Н. Чичериным. Соловьёв в понимании природы права ориентировался, главным образом, на априорные знания человека; в то время, как Чичерин акцент делал на законодательстве и правилах социальной жизни.

Конец XIX столетия в России прошёл при официальном завершении крепостного права, отмена которого предрасположила правительство Александра II к осуществлению судебной реформы. Новые социальные реалии поставили перед русской общественностью новые задачи, в том числе связанные с осмыслением права в философско-антропологическом контексте.

Следствием произошедших социальных преобразований стало формирование двух философских подходов к пониманию источников права. Первый подход – позитивистский – ориентирован на искусственно-правовые нормы (государственное законодательство и юриспруденция); второй – естественно-антропологический – обращён к априорным знаниям. Философы первого направления исходили из того, что правовое сознание может эволюционировать преимущественно в условиях развитых государственных институтов власти, в частности законодательства. Представители же второго направления считали, что в осмыслении сущности и истоков правосознания следует исходить из раскрытия духовного мира самого человека. Однако в обоих философских течениях возникли сложности, связанные с попыткой определения функциональных аспектов права в этическом контексте.

Среди представителей позитивистского направления следует выделить таких русских мыслителей, как Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.С. Яценко.

Ко второй группе философов можно отнести Ф.М. Достоевского, Вл. С. Соловьёва, Н. Бердяева, И. Ильина, П. Флоренского. Важно подчеркнуть, что для религиозных философов «всякое знание, начиная с народной мудрости и обиходно-хозяйственной смекалки, суть воплощение творческой природы человека, сопряжение нетленного духа и тварной материи» [4, 69]. Вследствие этого для них характерна идеализация человека, вера в его совершенство и безграничные возможности.

Позиции вышеназванных групп философов различаются, прежде всего, формой изложения материала. Так, мыслители, рассматривавшие юридическое право как основу для развития нравственности, видели в рациональном познании основной метод философского исследования. Мыслители, придерживавшиеся религиозно-философского подхода, подчас не отличались строгостью изложения своих мыслей; нередко выдвигали положения, рационально не обосновывая их, зачастую в их текстах встречаются противоречивые утверждения. Во взглядах религиозных философов был отчётливо выражен этикоцентризм.

Довольно ярко обозначенные позиции прослеживаются в полемике, развернувшейся в 1897 году между В.С. Соловьёвым и Б.Н. Чичериным. Заметим, что первый исходил в своих положениях непосредственно из религиозно-философских воззрений; второй же опирался преимущественно на философско-правовые принципы. Обратимся к анализу ключевых идей указанных мыслителей, касающихся, прежде всего, проблемы происхождения и назначения права. Вместе с тем, выявим, как философы осмысливали такие важные антропологические категории, как свобода, ответственность, воля и принуждение.

Пolemика Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьёва затрагивала в основном вопросы о сущности и природе морали, а также о потенциале человека, стремящегося к нравственному совершенству. В рамках названных проблем мыслители рассматривали ряд частных понятий. Так, философы анализировали такое качество индивида, как воля, и, соответственно, её значение при выборе нравственного образа мыслей и действий. Также в данной дискуссии вопросы морали были соотнесены с нормами юриспруденции. Полагаем, что для современного общества остаются актуальными положения, выдвинутые Соловьёвым и Чичериным относительно вопроса о мере правовой ответственности за преступление. Среди видов наказания преступников ими детально рассматривалась проблема смертной казни. Существенным отличием в представлениях Чичерина и Соловьёва было следующее: первый полагал, что человек посредством законодательства вынужден ограничивать свою свободу, соотносясь с общественными интере-

сами. Соловьёв же рассматривал общество как область, в которой личность может достичь абсолютного совершенства и полной свободы. Для прояснения вопроса о сущности права следует обратиться к рассмотрению разногласий между Соловьёвым и Чичериным.

В.С. Соловьёв в работах «Оправдание добра» и «Нравственность и право» рассматривает такие свойства духовного мира человека, как «добро» и «нравственность». По мнению В.С. Соловьёва, первостепенная задача нравственной философии – это обоснование добра в общественном и индивидуальном сознании. Человеку трудно придерживаться принципов нравственности, в частности, принципа добра, если он не понимает сущности данных понятий, поэтому он должен «оправдать» в своём сознании доброту как высшую ценность бытия человека. Причём само добро как форма проявления нравственности индивида воспринималась как автономное качество личности, не связанное, например, с религиозной областью жизни человека. Такая постановка вопроса вызывает возражения у Б.Н. Чичерина, для которого «построение нравственной философии как науки возможно только на прочном основании теоретической философии» [9, 69]. Б.Н. Чичерин считает, что нельзя рассматривать нравственность как нечто отдельное, оторванное от глубинных метафизических основ человеческого бытия. В то же время в философии В.С. Соловьёва нравственность выступает как автономное качество личности. И если Чичерин полагает, что основы морали укоренены в религии, то Соловьёв утверждает, что сама религия укореняется в нравственных убеждениях людей. Тем самым она наполняет их внутренний мир представлениями о морали и естественном праве. Фактически Соловьёв рассматривает природу человека в качестве автономного, независимого от внешней среды начала. Поэтому, если Чичерин полагает, что для разумной организации жизни людей им необходимо обращаться к религиозным канонам, то Соловьёв считает, что человеку для достижения совершенства необходимо познать свою сущность и осознать себя в качестве самоценности.

Дальнейшие свои идеи Соловьёв выводит, исходя из осмысления нравственных представлений в качестве характеристик сущности человека. Так, из размышлений Соловьёва следует, что природа права опирается именно на нравственные воззрения людей. Философ утверждает, что «...высшая нравственность не позволяет... быть равнодушным к тому, чтобы... ближние беспрепятственно становились убийцами и убиенными, грабителями и ограбленными, и чтобы общество, без которого и единичный человек не может жить и совершенствоваться, подвергалось опасности разрушения» [10, 520]. Следует заметить, что равно-

душное отношение индивида к нравственному регрессу людей есть важный симптом его собственного духовного падения.

В философской полемике Соловьёва и Чичерина важен вопрос, касающийся понятия «воля». Если мы ведём речь о таких понятиях, как «право» и «нравственность», то невозможно обойти молчанием вопросы о мотивах, значимых при выборе тех или иных форм поведения. В.С. Соловьёв уверен, что нравственная философия может не затрагивать проблемы воли, ибо, если человек подчиняется законам нравственности, это означает, что он принимает их в силу естественного подчинения, но не в силу свободного выбора. Таким образом, в философии Соловьёва нравственность выступает естественной частью сущности человека, который следует принципам добра, исходя из своих внутренних побуждений. Соловьёв полагает, что нравственная философия не может быть связана с волей, или, другими словами, личности следует придерживаться норм морали, сообразуясь с желаниями, исходящими из её духовных потребностей. В XX столетии данная идея получила развитие у ряда мыслителей, в частности, у Д.С. Лихачёва: «Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью...» [7, 29]. Заметим, если человек не понимает смысла добра, то отдельные предписания нравственной философии ему следует принимать на основе веры. Однако способность верить связана с проявлением соответствующих качеств и подчас требует напряженной работы, связанной с самопознанием, что без волевых усилий крайне затруднительно. Таким образом, Соловьёв отвергает свободу при выборе нравственного поведения, а нравственную свободу мыслитель основывает на разумной свободе. В данном случае мы видим, что в философии Соловьёва понятия «разумная свобода» и «нравственная необходимость» фактически отождествляются. Что же касается абсолютной свободы, то Соловьёв, отвечая Чичерину в статье «Мнимая критика», объясняет данное понятие как произвол. В нравственной философии Соловьёва воля теряет свою принуждающую функцию, поскольку нравственность, согласно мнению философа, является неотъемлемой составляющей человеческого существа, пронизывает всю его жизнь. Понятие *воли* в русской мысли, на наш взгляд, довольно точно характеризуется В.В. Колесовым: «Волевое усилие человека состоит в осознанном стремлении быть проводником высших начал и ценностей, которым он служит и которые он воплощает. Только в этом случае человек остаётся человеком...» [6, 42]. Здесь следует обратить внимание на само определение понятия *воли*. В «Православной энциклопедии» понятие *воля* формулируется как сила, неотъемлемо присущая природе разумного существа, благодаря которой оно стремится

достигнуть желаемого. В греческом языке этимологически слово *воля* означает то, что природы стремятся к тому, что для них желательно. В этом определении важно подчеркнуть характерность воли для человеческой природы.

Таким образом, нравственность охватывает и волевые качества индивида, обращая в силу необходимости принудительную волю в свободную волю, связанную с нравственными стремлениями личности. Согласно Соловьёву, «...и нравственный, и юридический законы относятся собственно к внутреннему существу человека, к его воле, но первый берёт эту волю в её общности и всецелости, а второй лишь в её частной реализации по отношению к известным внешним факторам, составляющим собственный интерес права...» [10, 516-517].

Что касается точки зрения Б.Н. Чичерина по данному вопросу, надо подчеркнуть то, что этот мыслитель понимает волю как выбор мотивов (интересно, что в современной психологии в качестве основного компонента воли выделяют именно борьбу мотивов). Чичерин полагает, что без свободы воли невозможно представить понятий долга, закона или абсолютной морали.

Важным в концепции Соловьёва, касающейся вопросов как нравственности, так и свободной воли, является положение о том, что общество не в состоянии принудить человека к совершению акта против его желания. Данная позиция вызывает возражения у Чичерина. Он полагает, что государство не должно соотносить свои действия с мнением каждого гражданина, поскольку законы (например, против воровства) могут вызвать недовольство у преступников. Полагаем, что Соловьёв в своём учении имеет в виду совершенное общество, интересы которого нравственны и не могут противоречить интересам отдельно взятых его представителей, а совершенное государство, как утверждает философ, создаётся идеальными людьми. Тем не менее Чичерин, учитывая реальную правовую действительность, был, пожалуй, более близок к истине, ставя правовые интересы общества выше желаний отдельных индивидов. Не всегда стремления людей носят нравственный характер и имеют благие намерения. В то же время заметим, что в философии Чичерина человек не рассматривается в качестве высшей ценности, способной приобрести на земле божественную сущность. Судя по всему, В.С. Соловьёв остро ощутил то, что русский народ в условиях начавшегося в стране индустриального подъёма постепенно извращался от родовых пережитков. Последний фактор есть важнейший показатель перехода общества к новым формам межличностной коммуникации, в ходе которого возрастает острота проблемы соотношения таких начал, как свобода и ответственность не только в моральном, но и в правовом контекстах. В.С. Соловьёв рассматривает

право и мораль именно в антропологическом ракурсе. Философ предполагает, что раскрытие нравственной сущности человека позволит понять природу права и раскрыть сущность таких понятий, как *свобода* и *ответственность*.

Если ориентироваться лишь на законы физического мира, то положения Чичерина, касающиеся нравственности, выглядят более логичными и обоснованными, чем его оппонента. Однако здесь необходимо отметить, что Соловьёв подошёл к проблеме нравственности человека с принципиально иных позиций. Философ рассматривает *нравственность как органичную составляющую человеческой души*, а нравственное поведение – как естественное поведение индивида. В своей концепции Соловьёв стремится выявить те законы, те принципы, согласно которым определяется целостность сущности человека. «Целостная жизнь для В.С. Соловьёва не есть просто единство интеллектуальных, эмоциональных и творческих проявлений, но есть живое и подлинное общение человека с Абсолютом» [5, 69]. В данном случае мы подходим к природе человека, созданного «по образу и подобию Божию», того человека, который может не только нравственно поступать, но и нравственно мыслить.

Итак, мы обнаруживаем два различных подхода к вопросу о нравственности. Чичерин рассуждает с позиции рационального знания, ставит в качестве обязательного условия для принятия того или иного положения вопрос о его доказательности. Тем не менее, вспомним, что немногим позже Н. Бердяев напишет: «Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательней истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы огораживаемся от истины» [2, 97]. Соловьёв подходит к человеку как к одухотворённому, богоподобному существу, стремящемуся рационально обосновать необходимость в нравственном образе мыслей лишь в силу повреждения собственной природы первородным грехом и утраты богоподобности. Мыслитель в своём поиске абсолюта предлагает такой образ человека, который одерживает победу даже над смертью; такой человек не идёт на компромисс с несовершенством мира, он творит свою духовность, своё *credo* и своё жизненное пространство, руководствуясь идеальными и только идеальными образами.

Вышеприведённые философские позиции отражают принципиально разные типы миропонимания. Так, Чичерин рассматривает мир таким, каков он есть, в реальном времени. Соловьёв же пытается заглянуть в будущее человечества. Каждая из данных двух позиций имеет свои минусы и плюсы. Объективный взгляд на мир позволяет правильно оценивать сложившуюся ситуацию, избегать приукрашивания

чего-либо, а главное, – находить наиболее приемлемые способы решения социальных и этических проблем. В то же время вера человека в неограниченность собственного потенциала даёт ему невероятно большие возможности: идеалы, взлелеянные светлой человеческой душой, выводят представления личности далеко за пределы дозволенного разумом и позволяют ей достичь больших высот духовного развития. Бердяев в работе «Новое средневековье», оценивая человека Европы и человека России, замечает, что европейское общество по своей сути правильно, но ограничено в своих духовных возможностях и привязано к бытовому комфорту. «Народы Западной Европы добродетелями своими прикованы к земной жизни и к земным благам» [1, 50], – пишет мыслитель. Вместе с тем, как подчёркивает философ, русский человек, хотя и может быть греховным, но, тем не менее, обладает значительным духовным потенциалом. При рассмотрении философских воззрений В.С. Соловьёва полагаем, что следует так же учесть установку, предложенную В.В. Библихиным: «Для платонического благочестия не может быть речи о том, чтобы какие-то свои (или общечеловеческие, или государственные) интересы человек хотя бы в самом малом противопоставил благочестивому преклонению перед Высшим. Философ стыдится тут даже малейшего намёка на компромисс» [3, 36]. Заметим, что Чичерин обращает внимание на тот факт, что идеализм может нарушать системность построения тех или иных взглядов, что затрудняет их понимание. В полемике с Соловьёвым он пишет: «Высокий полёт мысли может совершаться в ущерб внутренней связи» [12, 74]. Вместе с тем Чичерин замечает и то, что идеализм и искренняя трактовка вопроса о нравственности позволяют Соловьёву рассмотреть данный вопрос в комплексе. Всё же, по мнению Чичерина, недостатки в учении Соловьёва связаны с тем, что его оппонент недостаточно полно использовал результаты исследований частных наук. Помимо этого, Чичерин подчёркивает, что Соловьёв ряд своих положений выдвигает без достаточно рационального их обоснования. К примеру, Соловьёв пишет, что человеческая личность есть возможность для осуществления неограниченной действительности или особая форма бесконечного содержания. В данном случае мы видим у Соловьёва подход к человеку как к микрокосмосу, но всё-таки Чичерин задаётся вопросом об истоках такого положения: «Откуда это взято?»

Для разрешения неясностей, на которые обращает внимание Чичерин, следует более детально рассмотреть проблему сущности и назначения права и государства, представленных в воззрениях Соловьёва.

Обратимся к проблеме государства и его роли в нравственном развитии русского народа в контексте позиций рассматриваемых мысли-

телей. В.С. Соловьёв полагает, что государство, а, следовательно, и законодательство, не могут определять критерия морального; однако, если взять последнее как многостороннее понятие, то нравственное сознание человека представится неотъемлемой компонентой правосознания. Таким образом, Соловьёв исходит из того, что государство есть исторически обусловленная форма общественной системы, при которой создаются наиболее благоприятные условия для нравственного развития людей.

Б.Н. Чичерин, рассматривая вопрос о соотношении принципов государственности с нормами этики, отмечает: исторические факты свидетельствуют о том, что для государственности всегда были характерны жёсткие административно-командные механизмы, не всегда имевшие этическую обоснованность. Заметим, что такое критическое отношение к учению Соловьёва о сущности государства нашло отражение и в воззрениях многих современных исследователей. Так, В.И. Приленский [9], считает, что ряд представлений В.С. Соловьёва о смысле государства утопичен.

Оппонент Соловьёва не рассматривает право и нравственность в качестве однопорядковых понятий. По его мнению, помимо нравственных, существуют и другие законы, по своему характеру отличающиеся от первых, например, юридические. Последние должны согласовываться с нормами морали. Разница между нравственными и юридическими законами в воззрениях Чичерина определяется тем, что право отражает внешнюю сторону общественной жизни, в то время как нравственность – метафизическую грань бытия человека. В этом пункте мы наиболее рельефно воспринимаем отличительные черты в миропонимании двух русских мыслителей.

В силу того, что Соловьёв рассматривает понятия «право» и «нравственность» как взаимодополняющие, особое значение приобретает вопрос об отношениях между ними. М.Г. Макаров полагает, что в философско-правовом учении В.С. Соловьёва происходит стирание всяких границ между нравственным и правовым [8, 84]. Далее Макаров утверждает, что при таком подходе к пониманию права человек, соблюдающий закон в силу страха перед наказанием, также может считаться нравственным. Тем не менее здесь следует учесть то, что в теории права В.С. Соловьёва человеку надобно следовать букве закона, руководствуясь в первую очередь нравственными убеждениями. В.С. Соловьёв, отмечая взаимосвязанность права и нравственности, не считает, что их сферы совпадают. Первое из них, по мнению Соловьёва, призывает соблюдать минимум нравственных законов. Философ пишет: «...право в своём элементе принуждения к минимальному добру, хотя и различается от нравственного в собственном смысле слова, но

и в этом своём принудительном характере, отвечая требованиям той же нравственности, ни в коем случае не должно ей противоречить» [10, 529]. В доказательство своей позиции Соловьёв приводит такой пример: инквизицию невозможно изжить только нравственным порывом. Нужен закон, который упразднил бы её юридической и принудительной силой. Стало быть, факт принудительной силы права имеет место в философии Соловьёва. Чичерин не допускает в вопросах нравственности какого-либо принуждения, считая, что оно может быть только в области юридического права. В то же время он замечает, что из всех социальных сфер право стоит наиболее близко к нравственности, ибо происходит это в силу того, что и у права, и у нравственности есть один источник – разумность свободного человека и его стремление благополучно устроить свою жизнь. Вместе с тем право и нравственность определяют различные сферы человеческого бытия: право – внешними отношениями людей, а нравственность – их совестью и внутренними побуждениями. Исходя из вышесказанного, Чичерин делает вывод, что право может трактоваться как свобода, определяемая законом. Соловьёв же рассматривает *право в качестве условия для достижения свободы*. Собственно говоря, закон должен предохранить от нарушений естественный исторический процесс, ведущий к созданию совершенного общества. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во тьме мир обратить в Царство Божие, а только в том, чтобы он – *до времени* не превратился в ад», – подчёркивает философ в работе «Нравственность и право» [10, 523]. Только после того, как на земле установится *Царство Божие*, можно будет утверждать, что между *правом и моралью действительно нет никаких границ*. В оценке данного положения можно согласиться с выводом Э.Ю. Соловьёва, который утверждает: «Правовые нормы в понимании В.С. Соловьёва не имеют никакого отношения к личным и гражданским свободам, записываемым в конституциях. Это просто *подвид нравственных норм*, а именно простейшие заповеди...» [11, 231]. Однако до утверждения человекобожия право, хотя и взаимосвязано с моралью, но не сливается с ним, поскольку сохраняет функции принудительной силы и гарантируется не церковью, а государством.

Без правовых норм людям сложно изменять свой мир в соответствии с представлениями о нравственности, поэтому без законодательства достижение общества совершенного состояния крайне затруднительно. Так, В.С. Соловьёв пишет: «Существование общества зависит не от совершенства некоторых, а от безопасности всех. Эта безопасность не обеспечивается законом нравственным самим по себе...» [10, 520]. В данном случае возникает необходимость в законе,

который принуждает человека к соблюдению прав своих сограждан. Именно посредством закона возможно сформировать в коллективе чувство безопасности, взаимного доверия. Общество же, в котором люди не имеют правовой защищённости, никогда не придёт к высоко развитому правосознанию и уж, тем более, к нравственному совершенству. Именно через законодательство общество способно достичь свободы, которая будет для человека не бременем, а новой возможностью для достижения духовно-нравственных идеалов.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М.: Феникс, 1991. – 84 с.
2. Бердяев Н. Философия свободы. – М.: АСТ, 2002. – 274 с.
3. Библихин В.В. Философия и религия // Вопросы философии. 1992, № 7. – С. 33–44.
4. Касавин И.Т. Шавелёв С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон +, 2004. – 432 с.

5. Кларин В.М., Петров В.М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX-XX вв.. – М., 1996. – 124 с.
6. Колесов В.В. Мир человека в русской ментальности // Время и человек в зеркале гуманитарных исследований. – Курск, 2003. – С. 37–47.
7. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М., 1989. – 238 с.
8. Макаров М.Г. Обоснование нравственного идеала в философии ранних славянофилов и у Вл. Соловьёва. // Философские науки. 1992. № 2. С. 74–88.
9. Приленский В.И. Полемика Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьёва // Философские науки, №9, 1989. – С. 69–73.
10. Соловьёв В.С. Нравственность и право / Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 504–535.
11. Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас. – М.: Политиздат, 1991. – 430 с.
12. Чичерин Б.Н. О началах этики // Философские науки, № 9, 1989. – С. 73–84.
13. Чичерин Б.Н. О началах этики // Философские науки, № 10, 1989. – С. 88–100.
14. Чичерин Б.Н. О началах этики // Философские науки, № 11, 1989. – С. 82–79.
15. Чичерин Б.Н. О началах этики // Философские науки, № 12, 1989. – С. 89–96.

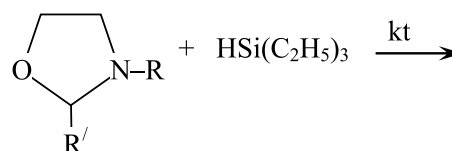
Химические науки

**СИНТЕЗ СИЛИЛОВЫХ ЭФИРОВ
АМИНОСПИРТОВ ПУТЕМ
ГИДРОСИЛАНОЛИЗА 2-ЗАМЕЩЕННЫХ
1-ОКСА-3-АЗАЦИКЛОАЛКАНОВ**

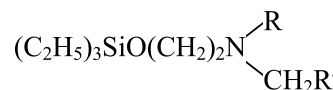
^{1,2}Хлебникова Т.Д., ^{1,2}Хамидуллина И.В.,
^{1,2}Хусаинов М.А., ^{1,2}Насырова Л.А., ^{1,2}Леонтьева С.В.

¹Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, e-mail: khlebnikovat@mail.ru;
²Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа

В результате гидросиланолита – реакции восстановительного расщепления 2-замещенных 1-окса-3-азациклоалканов (1,3-ОАЦА) (I а-е), распространенным силирующим агентом – триэтилсиланом в присутствии различных катализаторов синтезированы силиловые эфиры аминоспиртов – триэтилсилокси(N-метил-N-алкиламино)алканы (II а-е):

I а-е

II а-е

R = C₃H₇ (I а, II а); C₄H₉ (I б, I г-е, II б, II г-е);
с-C₆H₁₁ (I в, II в); R¹ = C₃H₇ (I а-в, II а-в); C₄H₉ (I г,
II г); C₅H₁₁ (I д, II д); CH₂C₆H₅ (I е, II е) kt = ZnCl₂,
Ni_{восст}, ДЦПД

Условия и результаты взаимодействия 1-окса-3-азациклоалканов (1,3-ОАЦА) с триэтилсиланом в присутствии различных катализаторов

Исходный 1,3-ОАЦА	Катализатор, условия реакции, конверсия исходного ОАЦА и выход (C ₂ H ₅) ₃ SiO(CH ₂) ₂ N(R)CH ₂ R ¹ (II а-е),								
	ZnCl ₂ (2% моль), t = 130 °C			Ni (2% моль), t = 130 °C			Cr ₂ ZrCl ₂ (1% моль), t = 90 °C		
	Время, ч	Конв-я I, %	Выход II %	Время, ч	Конв-я I, %	Выход II %	Время, ч	Конв-я I, %	Выход II %
I а	6	88	59	6	89	82	3	90	86
I б	5	98	51	6	93	80	3	92	89
I в	5	100	46	6	95	72	3	94	90
I г	8	96	45	8	99	80	3	93	88
I д	9	99	48	9	93	72	3	96	92
I е	9	100	50	8	94	75	4	82	75